

Дигар Амантай

ИЗ РАННИХ РАССКАЗОВ

ВНУК АКСАКАЛА ТОЛЕУТАЯ

Поначалу у него была одна мечта. Эта мечта поселилась в нем после того, как на многолюдном тое его вытеснили с места, а еще – когда его не взяли в поездку. Вот проснуться бы утром таким же большим и сильным, как наш сосед, богатырь Темирбек, мечтал он. Кроме того, на исходе весны, накануне той дождливой поры, которую казахи зовут «куралай», аксакал Толеутай показал ему гнедого жеребенка – со звездочкой во лбу, стройными, как у олененка, ногами и глазами верблюжонка. В тот день табунщики, выпасавшие лошадей на возвышенности, пригнали их поближе к аулу. Блуждая среди множества носившихся вокруг лошадиных косяков, поднявших в округе невообразимый шум, дедушка поначалу никак не мог отыскать своих кобылиц, но в конце концов различил их издали.

Гнедой жеребенок бежал сначала рысцой, и на его шелковистой спинке поигрывали солнечные зайчики, затем, красиво выбрасывая ноги, пустился вприпрыжку, потом снова перешел на легкую рысь, пытаясь подлезть под брюхо молочной кобылы. А потом они с дедушкой потеряли из виду юного гнедого, припавшего к кобыле. Огромный табун, сбившийся из множества косяков, шумно обратившись в бегство, с громким ржанием и топотом хлынул лавиной на просторную равнину. Вернувшись домой, он никак не мог забыть гнедого жеребенка.

И тогда родилась его вторая мечта. Внук аксакала Толеутая очень хотел теперь, чтобы гнедой жеребенок поскорее вырос. Он не раз наблюдал, как богатырь Темирбек, разгорячив необъезженного коня, направлял его в безликую серую долину. Когда они вдвоем с дедушкой, нарезав из кожи сыромятные полоски, искусно плели из них ленты, вили аркан из тонкого волоса, а затем продевали длинный повод в кольца недоузтков молодняка и дойных кобылиц, он часто мысленно возвращался к своей мечте. Просунув конец подбородника узды в ушко, проделанное шилом, старик делал хват, накрепко завязывал с другой стороны особый узел и молча глядел на внука, который отслеживал каждое движение деда.

Тогда он говорил с улыбкой:

- Ближе к зиме ты уже будешь ездить на нем верхом.
- Правда, ата?
- Правда.
- А он меня не сбросит?

- Может, и сбросит.
- Тогда мне надо будет покрепче сжимать его коленками.
- Да.
- Ата, его, наверно, и не придется стегать камчой.
- Возьмешь мою.
- Скорее всего, она мне не пригодится.
- Почему это?
- Он же такой красивый, разве я смогу его ударить?
- Не сможешь.
- И что же тогда делать?
- Гнедого жеребенка не нужно хлестать камчой.
- Я ведь тебе так и сказал.
- Правильно сказал.
- Ата!.. А меня не увезут осенью в город?
- Нет, не увезут – я предупрежу, что ты останешься в ауле до конца года.
- Отец с нами сразу согласится, а вот мама, наверно, будет меня ругать.
- Никто тебя ругать не станет. Я скажу, что ты теперь будешь моим сыном.
- Так и скажите.
- Ладно.
- Если всё получится так, как мы с вами задумали, то ближе к зиме я и в самом деле смогу кататься верхом на гнедом жеребенке.

– Как задумали, так и будет.

Положив на чугунную наковальню закрепленное узлом место соединения подбородника с недоуздкой, аксакал Толеутай легонько бил по нему молотком. После небольшой паузы в привычном ритме принимался постукивать дальше. Время от времени опускал головку инструмента в ведро с водой и снова продолжал размеренно постукивать. Айдар подолгу замирал, наблюдая за дедом, несмотря на холод – в конюшне всегда тянуло сыростью, сквозь маленькое окошко сюда едва пробивался солнечный свет.

– Ты же простынешь тут! – спохватывался дедушка.

– Ничего со мной не случится.

– Иди-ка лучше в дом.

– Нет, я Вас подожду.

– А я следом за тобой приду.

Зайдя в дом, Айдар начинал думать о гнедом жеребенке. Бабушка, завидев внука, принималась накрывать дастархан. Отныне Айдар постоянно встречался в своих снах с пронзительно кричащим жеребенком, который, дрожа от предутреннего холода, беспокойно переступал копытцами, не зная куда спрятаться, чтобы согреться. Этого секрета Айдар никому не открывал. Лишь иногда чувство щемящей жалости вызывало в нем бесконечные вопросы, и мальчик задавал их деду.

– Ата, – спрашивал он, так и не притронувшись к остывшему чаю, – а как лошади выдерживают студеные ночи?

– Они ведь породистые, выносливые животные, – необычайно благородные создания.

– Жеребята все равно мерзнут. В ненастные дни, когда подолгу без остановки моросит нудный дождик, я всегда представляю, как мой гнедой жеребенок дрожит и жмется к матери.

– Он – потомство чудесной породы.

– Ну и что? – начинал сердиться Айдар.

Лицо деда, заметившего, что внук неожиданно проявил упрямство, становилось серьезным.

Похоже, обидел деда, думал тогда Айдар, и тут же соглашался:

– Да, гнедой жеребенок – потомок благородного тулпара.

Аксакал Толеутай отворачивался, пытаясь подавить невольный смешок. А в следующее мгновение разговор опять переключался на обстоятельства, связанные с поздней осенью, когда приходит пора первых заморозков.

Однажды под занавес лета, когда приятные, погожие жаркие дни ушли, погода портилась, поверхность речек и озер подернулась ледком, а стада скота, небольшими группами пасшиеся вверху, на холмистых склонах, спустились к подножью, Айдар проснулся ранним утром от перешептывания деда с каким-то незнакомым человеком.

– Выходит, волк погрыз жеребенка? – это был голос деда.

– Ну да, клыки глубоко вонзились. Кусок мяса вырвал.

– Скажи – выдрал кусок!

– Именно.

– Пропала скотина...

– Зарезать его нужно – хоть немного мяса на куырдак останется.

– Это ясно. Только сюда гнедого жеребенка привозить нельзя, – сказал дедушка.

– Конечно, лучше, чтобы ваш внук его не видел. Если надо, могу зарезать его в своем доме в низине, а мясо разделаю и вывешу в холодный чулан вялиться.

– Было бы неплохо, если бы ты как-нибудь сам привез его, а то у меня сейчас ни коня под седлом, ни даже плохонькой рабочей лошаденки нет.

– Дел невпроворот, иначе стал бы я понапрасну шум поднимать – сам бы без огласки все организовал.

– Тогда попробую приехать сегодня же. Может быть, выпрошу арбу с конем у Темирбека.

Немного погодя Айдар заметил, как дедушка запрягает лошадь в телегу. Моросил дождь. Черные тучи, затянувшие все небо, предвещали надвигающийся ливень, поэтому аксакал Толеутай оделся потеплее, а сверху накинул брезентовый дождевик. Обулся в плотно облегающие сапоги-саптама со старыми голенищами и новенькими надставленными отворотами, закрывающими ноги почти доверху, зажал в руке четырехгранную камчу с тонкой рукоятью из красной ивы. И тут, заметив вышедшего из дома Айдара, оторопел, словно воришка, пойманный на месте преступления. Тут же он решил взять внука с собой. Бабушка вынесла из дома верхнюю одежду для Айдара. Старик, постелив в передней части арбы шерстяное одеяло, поднял внука и усадил его в середину телеги. Сам, устроившись сверху, на передке, взял в руки вожжи. В этот момент бабушка притащила еще и зимнюю шубу. Укрыла ею плечи Айдара. Под едва накрапывающим дождем конная повозка торопливо отъехала, следуя по грунтовой дороге, ведущей из аула на жайляу.

Ехали долго. Дедушка ни разу за всю поездку не раскрыл рта. Айдар, у которого мерзла спина, съжившись, завернулся в шубу. Равнина закончилась, стали попадаться взгорки. Разморенного ездой Айдара клонило в сон. Мелкий дождь

сеял, не переставая. Продрогнув, Айдар проснулся и понял, что телега стоит. Дедушка, поставив ногу на ступеньку, уже спускался с арбы. Остановились у юрты. Оттуда, из ее сумеречного нутра, появился статный, рослый, широкоплечий мужчина. Его суровое лицо потеплело, лишь когда он узнал деда. Своим грозным видом табунщик разительно отличался от других взрослых в ауле. Приветствуя друг друга, они с дедушкой немного задержались на месте, затем человек с телосложением батыра, развернувшись, скрылся за дверью. Аксакал Толеутай зашагал к арбе. Обняв Айдара, поднял его, тяжело шагая, волоча по земле полы своего дождевика, понес в юрту. В центре юрты, громко потрескивая, горела буржуйка, распространяя вокруг тепло. Спустив с рук внука, старик взялся за край закопченной кошмы, расстеленной на полу и отодвинул ее в сторону, чтобы не наступать на нее. Не снимая сапог, прямо в верхней одежде прошел на почетное место, повесил камчу на верхушку кереге.

У очага суетилась молодая женщина. На другой стороне юрты, выше печи, поверх уложенных горкой одеял, беспокойно посапывая и тяжело дыша, спала маленькая курносая девочка, обнимавшая шелковую красную подушечку. Гнедой жеребенок лежал рядом с выходом, под подставкой на ножках, на которой громоздились два сундука с домашним добром. Жеребенка накрыли одеялом. Только голова торчала. Усевшись справа от дедушки, Айдар время от времени поглядывал на гнедого. Тот неподвижно лежал, не отрывая головы от кошмы. На дастархан поставили блюдо с горячим, нарезав дымящееся казы и крупные куски мяса, аккуратно перемешали. Потом залили все луковой заправкой. Айдар беспрестанно посматривал украдкой в сторону порога даже и тогда, когда сидящие за дастарханом дружно принялись за еду. Обед подходил к концу. Подали сорпу в наполненных до краев деревянных чашах, которые быстро опустошались и по кругу возвращались обратно. Айдар так и не притронулся к еде. Он совсем не хотел есть. То и дело он оглядывал сочувствующим взглядом гнедого жеребенка.

Дедушка сказал хозяину, что им необходимо добраться домой засветло. Поднявшись, дед с Айдаром направились к выходу. Взяв в руку повод, дед развернул телегу и подогнал ее вплотную к входной двери. Навстречу уже вышел табунщик, бережно неся на руках раненого жеребенка. И вот тогда, вблизи, Айдар заметил с правой стороны крупная зияющую рану. Шкура вокруг была запачкана струящейся из нее кровью. Рана даже не успела покрыться корочкой. Айдар старался больше не смотреть туда. Всю дорогу он просидел, не глядя в сторону жеребенка. Когда они отъехали уже далеко от аула табунщиков и выбрались на равнину, снова посыпал дождь. Все еще боясь смотреть на жеребенка прямо, Айдар укрыл его шубой. Уже смеркалось, когда они вернулись домой. В дверях тут же появилась бабушка, услышавшая скрип арбы, подъехавшей к дому. Подняв с телеги задремавшего Айдара, уложила его в постель. Равнодушный ко всему, он даже не вспомнил о жеребенке. До его слуха отчетливо доносились и тут же затихали звуки дождевых капель, стучавших в окно.

Дождь моросил всю ночь, до самого рассвета. Айдар не заметил, как его сморил сон. Утром проснулся поздно. Вглядевшись через оконное стекло во двор, увидел висевшую на заборе шкуру гнедого жеребенка. На дворе, в воздухе, помимо свежести после дождя веяло запахом только что зарезанной скотины. Дедушка, стоя в конюшне у чугунной наковальни, молча ремонтировал недоуздок. Когда Айдар вернулся в дом, к горлу подступила тошнота. Не сказав никому ни слова, он прошел

в комнату, повалился в постель, накрылся с головой одеялом и, не в силах сдерживаться, горько разрыдался. Ближе к вечеру из кухни донесся запах вареного мяса.

– Застудил ребенка, – упрекнула бабушка вошедшего в дом деда.

Старик Толеутай промолчал. Было слышно, как он, кряхтя, стянул с ног хромовые сапоги и бросил их на пол.

– Зря ты его с собой взял.

Ответа Айдар не услышал. Она и не ждала, что дед ответит, поэтому бабушка долго и непрерывно продолжала ворчать. Когда подоспело мясо, пришли соседи – богатырь Темирбек с женой. Все уютно устроились за дастарханом. Дедушка, осторожно поднимая своими сильными руками свернувшегося под одеялом внука, понюхал его волосы и усадил в центре. Мясо ели долго. Некоторое время разговор за столом шел о том, насколько все-таки благородна порода кобылицы, принесшей гнедого жеребенка, и еще каких-то других лошадей. Взрослые не обратили внимания, что Айдар так и не притронулся к мясу. Лишь дедушка заметил это, но сделал вид, будто ничего не видел.

КАРАГАЧИ РАСТУТ НА ИЗЛУЧИНЕ

Поднявшись, Дархан отряхнул одежду. В ивняке было сумрачно. Асия, обняв колени, сидела поодаль и смотрела на журчащую воду Жарлы. Подойдя к девушке, Дархан развернул куртку, которую держал в руках, постелил ее на землю и сел на нее. Солнце медленно плыло вдоль западного горизонта. Оба молча смотрели на бегущую речку.

– Ты пойдешь, чтобы с ней увидеться? – спросила Асия.

– Да.

– А мне теленка нужно искать.

– Приходи завтра снова?

– Сюда?

– Ага.

– А потом ты снова убежишь к ней?

– Завтра не пойду. Завтра их всем семейством пригласили в гости в Каркаралинск.

– Покажешь мне ее?

– Может, она тебе не понравится.

– И все же?

– Покажу.

Асия отряхнула платье, поправила растрепавшиеся волосы. Он встал. Рядом, в нескольких шагах, за обрывистым спуском, виднелась крутая излучина Жарлы. Спустившись к реке, он поднял одну из плоских галек, валявшихся на песке, и метнул ее наискосок по воде. Камешек, трижды подпрыгнув, пошел ко дну.

– Ладно, мне пора, – сказала девушка.

Не оглянувшись на нее, Дархан бросил в воду еще одну гальку. Повернув в сторону аула, Асия скрылась в чаще ивняка. Через густые заросли она поднялась на край балки. И долго стояла наверху, оглядывая окрестности. Дархан заметил большой округлый валун, лежащий под карагачом, растущим на излучине, пошел к нему. Толкнул изо всей мочи, но сдвинуть камень сил не хватило. Дархан сел,

прислонившись спиной к валуну, уперся покрепче пятками и опять толкнул – спиной. Камень качнулся – вот-вот сдвинется с места. Дархан поднялся. Сел на колени и удвоил усилия. Потихоньку-полегоньку валун поддался и покатился вниз, а следом послышалось, как он с шумом бултыхнулся в воду.

– Ну вот, теперь можно и идти, – тихо пробормотал юноша.

Он шагал, не замечая сердечного волнения и дрожи, внезапно охватившей все тело. Когда заслонявший обзор зеленый ивняк остался позади, взгляд его сразу выхватил за узкой полосой ивняка дом из красного кирпича. И тогда в его груди снова возникло волнение. Дархан поднял маленький камушек и метнул его вверх. Прокрутившись в коротком полете, тот вскоре упал и, прыгая, покатился вниз. Дом огораживал высокий забор. В предвечернюю пору, когда солнечные лучи переливались множеством неповторимых красок, она устраивала во дворе веселую возню, играя прямо перед этим выкрашенным в зеленый цвет дощатым забором. Он вытянул из широкой заборной доски слабо держащийся гвоздь, сунул его в карман. Сдвинул доску и сквозь открывшуюся щель посмотрел внутрь. Вон она резвится. Девчонка, румяная от загара. Ударит резиновым мячом в стену дома, хлопнет в ладоши и снова бьет по мячу. Интересно, шесть ей или уже семь?

Запыхавшаяся девчушка не успела добежать до мяча, и он покатился в сторону Дархана. Как только эта маленькая богиня обернулась, Дархан спешно опустил доску на место. Сердце бешено заколотилось. Кажется, не заметила, в смятении решил он. Выждав паузу, стал подглядывать через дырочку в заборе. Загорелой девчушки, напомнившей ему цветок календулы на пожарище, во дворе уже не было. По-видимому, отец увел дочку в дом. Не захочется ли ей поиграть еще? Или уже слишком поздно? В сгущающейся темноте ее все равно не разглядишь. Стряхнув со штанов налипшие соринки, Дархан зашагал в сторону аула, а за его спиной полыхало ярко-красное закатное зарево.

Ночью ему не спалось. На соседней кровати едва слышно посапывала мать, тишину в комнате взрывал лишь громкий храп отца. Дархан же думал о маленькой девчушке. Решил, что завтра обязательно подойдет к ней, подаст укатившийся мяч и посидит рядом. Вдруг Дархан почувствовал, что какая-то непонятная тоска заставляет его против воли сию же минуту отправиться к дому из красного кирпича. Он откинул одеяло, сел. И снова ощутил, как его с неодолимой силой тянет к себе это крошечное создание...

Он проснулся поздно. Торопливо одевшись, наскоро умылся во дворе под легким металлическим рукомойником и вернулся в дом. Большой чайник на столе остыл, чай в заварнике был уже бледный. В высокой продолговатой деревянной чаше горкой лежали румяные баурсаки, большая пиала, стоящая рядом, была полна сметаны. Он взял баурсак, обмакнул в сметану, не торопясь, съел. Потом залпом выпил холодный жидкий чай. Покончив с завтраком, поспешил на улицу. На пороге столкнулся с матерью.

– Отец велел тебе подмести двор и загон.

– Сейчас.

– Не улизни опять, не шатайся без дела.

– Ладно.

Весь день Дархан трудился во дворе. Ближе к пяти направился в сторону ивняка. Асия уже ждала его. Неподвижно сидела на берегу речки, глядя на воду. Юноша присел рядом. И тоже стал смотреть на бегущую с журчанием Жарлы.

- Пришел?
- Да.
- Куда пойдём?
- Можно и здесь посидеть.
- Тут мне не нравится.

Вспорхнув с места, она стала подниматься вверх по отлогому речному берегу. Дархан последовал за нею. Немного удалившись, они вышли на небольшую поляну, чуть постояли и двинулись туда, где тень была погуще. Иногда Асия, забравшись в заросли, задерживалась там, где деревья росли реже, и подолгу грелась в лучах солнца, щедро льющихся с небес. Поэтому ее грудь и ложбинка, уходящая к пупку, покрылись красновато-коричневым загаром. Когда Дархан гладил ее живот, то, ощущая под ладонью упругое юное тело, погружался в сладостное блаженство и, закрыв глаза, безмолвно лежал, чтобы не выдать неопишуемого удовольствия, которое испытывал в эти мгновения. Но стоило ему овладеть этой загоревшей девушкой с черными, будто смоль, волосами, как он тут же о ней забывал. Всегда заканчивалось этим.

Они сидели рядом и опять наблюдали за рекой. Дархан молчал. Асия тоже. Солнце, разгоревшееся красными, как бушующий огонь, всполохами, клонилось в низину. Юноша взял в руку гальку и с силой бросил в речку. Плюхнувшись в воду, камешек сразу утонул. Волнистый след моментально исчез, унесенный быстрым течением.

- Так покажешь?
- Кого?
- Ты ведь обещал, что покажешь мне ее.
- Сегодня мне хочется пойти одному.
- Как знаешь.
- Обиделась?
- Нет.

Вдруг Асия, сидевшая, опустив голову, подняла глаза и бросила на него пронизывающий сердитый взгляд.

- Мне не нравится, что ты ходишь к ней.

Дархан не ответил. Даже не шелохнулся, все так же безучастно наблюдая за рекой.

- Я ревную, – призналась девушка.

Юноша молчал. Сумерки стали сгущаться. Он злился, что Асия мешкает, не спешит возвращаться. Окутанная безмятежной тишиной округа пребывала в дреме. Слышалось тихое журчание воды. Девушке стало неловко. Она была смущена тем, что Дархан ничего не сказал, что полусонная тишина не была нарушена ни единым звуком, что ее слова так и остались без ответа. Ей было неудобно оттого, что здесь, на берегу реки, окруженной прибрежным ивняком, она вдруг почувствовала себя лишней. Тихо поднявшись, девушка удалилась. Теперь она вообще не придет в эти заросли, узкой полосой тянущиеся вдоль обрывистого, подмытого водой берега Жарлы, решил Дархан.

Он вновь дошел до знакомого подворья. Доска в заборе по-прежнему свободно болталась. Вспомнилось, что нижний гвоздь он положил вчера в карман. Сунул туда руку и сразу нащупал длинный толстый стержень. Отодвинув доску, Дархан увидел потухшие, зияющие чернотой окна. На обширном пространстве двора,

окружающего дом, никого не было. Резиновый мяч лежал на краю цветника за углом. Тот самый мяч, мягких бочков которого касались юные пальчики и нежные ладошки маленькой девочки, похожей на цветок календулы, распутившийся на пожарище. Она держала этот мяч, бросала его в стену, била по нему, когда он отскакивал. Дархан пролез во двор и бегом бросился к мячу. Поднял его, прижал к груди. В порыве нахлынувшего волнения так и замер посреди двора, изо всех сил стискивая резиновый мяч. Потом стал представлять, что это прелестное крошечное создание играет сейчас рядом. Вот девочка звонко смеется, вот спрашивает его о чем-то, а вот невзначай берет его за руку и просит принести улетевший мяч – и всё это, сложившись в какую-то призрачную картину, так и маячило перед глазами, лишая покоя.

Окрестности уже погрузились в темноту. Дархан аккуратно положил мяч, который всё еще прижимал к себе, на краешек цветника и зашагал к забору. Сдвинул болтающуюся доску, выбрался наружу. Черная полоска тропинки, ведущей к аулу, тянулась вдаль, теряясь во мгле красноватых сумерек. По дороге Дархан пытался воскресить в памяти облик девчушки. И беспрестанно, пока не переступил порог дома, предавался грустным думам о ней, а ночью, лежа в постели, долго не мог сомкнуть глаз, окунувшись в безбрежные мечтания. Заснул почти на рассвете. Ему привиделся сон, в котором снова и снова являлся ему чей-то неясный образ, облаченный в белое, он, будто мираж, то удалялся от него, то взмахом руки подзывал к себе.

Дархан проснулся, когда солнце было высоко. Солнечный свет ярко освещал комнату. Скинув одеяло, он сел на краю постели. Подцепил рукой брюки и рубашку, валявшиеся за кроватью у порога, оделся, вышел, еще полусонный, на улицу. Ветра не было, стояла духота. Укрывшись в тени, он долго с интересом наблюдал за кудахтающими возле дома курами. Потом поправил доски, сложенные в углу двора, устроил себе удобное местечко и лег поверх них на спину. Опять погрузился в мысли о маленькой девчушке. Незаметно его сморил сон. Встал он ближе к вечеру. Пройдя к умывальнику у изгороди, разделся до пояса, с наслаждением ополоснулся, собрал еду на столе, не спеша поел. Затем направился на берег Жарлы.

Высохшая дорога пылила, каждый раз, когда он делал очередной шаг, дорожная пыль вздымалась облачком вверх. Сначала Дархан решил свернуть к дому красного кирпича, чтобы еще раз заглянуть во двор через забор. Взял влево, дошел до зеленого забора, отодвинул доску. Перед ним раскинулась хорошо знакомая картина. Высокая крыша, дымовая труба. Окна занавешены шторами. Двор был чист, прибран. Сзади дома и слева от ворот стояли две собачьи конуры. Однако собак было не видно. Цепей тоже. Похоже, их здесь вообще никогда не было. Должно быть, хозяева еще не вернулись. Опустошенный, Дархан повернул обратно. Когда углубился в ивняк, оглянулся. Из-за забора видны были лишь крыша дома и верх оконных наличников. Остальное пряталось за зелеными досками. Какой-то он весь был холодный, этот дом. Ведь ее там не было. Он вновь ощутил пустоту в душе.

На реке под карагачом его ждала Асия. Приблизившись к девушке, Дархан сел рядом. Немного погодя ему захотелось посмотреть ввысь, в заоблачную даль, которую невозможно охватить взглядом. Всем его существом овладело ощущение бессмысленности бытия, проникавшее в душу все глубже. Он поднял глаза к небу. Густо рассыпанные в вышине звезды весело мигали. Если прелестная девчушка играет сейчас на улице, она ведь тоже видит эти звезды, подумал он. Его душили

слезы, горячим комом застрявшие в горле. Юноша вздохнул, с трудом подавив едва не вырвавшиеся на волю рыдания.

Ему совсем не хотелось, чтобы Асия заметила, что он плачет. Рука нащупала камень, легко уместившийся в ладони, и он тут же полетел в реку, шумно ударившись о воду. Вокруг рассыпались брызги.

– Ты почему опоздал?

– Так получилось.

– Я уже давно здесь сижу.

– Знаю.

– Пойдем?

– Куда?

– Подальше.

– Не пойду.

– А здесь?

– Здесь тоже не хочу.

– А я так долго тебя ждала...

Звонко журча, бежала Жарлы. Она с шумом неслась в неизвестную даль, где никто из них никогда не бывал. Дархан почувствовал, как в груди снова накатывает горячий ком слез.

УЗЕЛОК НА КОНЦЕ ПЛАТКА

Вокруг распространился запах дыма. Собрав щепки и наломав хвороста, двое парней с едва пробившимися усами развели, как сумели, костер и сели на корточках поближе к огню. Обрезки смолянистых досок не разгорелись ярким пламенем, слабый голубой огонек зацепил их лишь по краям. Волосы у юношей аккуратно подстрижены, оба были в военной форме, в руках – пилотки. Раскрасневшись, пристально смотрели они на вяло горящий костер.

– Я из Ростова-на-Дону, – молвил русоволосый.

Второй, по имени Даир, молчал. Уставившись на потрескивающие поленья, о чем-то задумался.

– Наверно, у тебя есть девушка? – спросил он.

– Есть.

Второй сел на корточки. В ушах звенело от шума стрекочущих вокруг сверчков и квакающих лягушек.

– Мою девушку зовут Наташей, она учится в политехническом институте, там же, в Ростове.

– Красивая?

– Красивая.

– Ты веришь, что она тебя дождется?

– Не знаю. Два года – очень длинный срок.

– Когда девушки нет, лучше.

– Почему?

– Не будешь переживать, что не дождется.

– Она мне нравится.

– Ну и что?

- Если б ты хоть раз увидел ее, сразу выбросил бы из головы такие мысли.
- У меня тоже есть избранница, но я не беру во внимание ее письма.
- Как это?
- Не верю.
- Не думаю, что ты прав.
- Пусть сначала подождет два года, а потом поговорим.
- Ты хоть отвечаешь ей?
- Да.
- Наверное, глаза у нее – как смородинки.
- Очень красивые.
- Я сам обожаю глаза Наташи – голубые, как будто кусочки неба.

Было душно. Иногда вдруг неожиданно дул и так же внезапно стихал мягкий, невесть откуда взявшийся бродяга-ветерок, который случайно заблудился, играя на поверхности лежащего поодаль Японского моря.

- Может, добавим дровишек?
- Это разумно.
- До рассвета еще столько времени!
- И кому, они думают, нужен этот дряхлый комплекс?
- Я слышал, там хранятся гранаты и взрывчатка.
- Кто сказал?

Русоволосый смолчал, потом добавил:

- Скоро здесь караульный пост поставят.
- Им-то одно удовольствие.
- Естественно. Каждые два часа будут сменяться.
- А Приморье, оказывается, на одной широте с Казахстаном. Я вчера это увидел на карте Советского Союза.

- А Ростов-на-Дону?
- Не знаю. Давай посмотрим, когда вернемся.

Они опять прервали разговор. Издали слабо поблескивали огни деревеньки Смоляниново. Комплекс был возведен у подножия возвышенности. От деревни здания комплекса были отгорожены массивными бетонными стенами. За оградой расположились двухэтажные казармы и штаб войскового подразделения. Все здания были старые, стены от ветхости покрылись трещинами, местами рушились. Над входом в каждую казарму кирпичами был выложен год постройки. Это своеобразный автограф, оставленный пленными солдатами Квантунской армии, потерпевшей поражение во Второй мировой войне. Большая часть дат – «1949» или «1954», кое-где встречается и «1956». Позднее, согласно договору, удовлетворившему Советское правительство, пленные японцы были возвращены на родину.

Костер осел. Даир встал и нырнул в темноту. Немного погодя вернулся с охапкой дощечек. Бросил их с грохотом на землю и, сев на правое колено, добавил в костер, горящий слабым синеватым пламенем. Потом устроился на прежнем месте, скрестив перед собой ноги.

- Мы ведь в армию не добровольно пошли, – нарушил молчание призывник из Ростова-на-Дону.
- Верно. Но, как ни крути, кто-то же должен ходить с винтовкой на плече.
- Человек вправе сам распоряжаться жизнью в рамках своей свободы.
- Общество всегда ограничивает эту свободу.

– Тогда это не имеет отношения к гуманизму.

– Что именно?

– Обязательный призыв в армию.

– Почему?

– И Чалонис об этом говорит.

– Он другое имеет в виду.

– Не понял.

– Он думает так: почему это я торчу в самом дальнем углу России, если моя родина – Литва? Я должен служить на своей земле.

– У него иные мысли, – возразил русоволосый.

– В таком случае и Чалонис неправильно рассуждает. Он ошибается.

– Я, например, хотел заняться наукой.

– Займешься, когда вернешься.

– Столько времени уйдет впустую! Если б я остался в Ростове, то наслаждался бы сейчас от души работой в исследовательском центре.

Неожиданно поблизости раздался звук приближающихся шагов. Казахстанец одной рукой подтянул к себе автомат, а другой схватился за рукоятку. Зияющее дуло повернулось в сторону звучащих шагов.

– Идет кто-то.

– Вероятно, проверяющий... Да. Это майор Смирнов.

– Замполит?

– Он самый.

Оба поднялись. Слабо горящий огонек костра то колыхался, клонясь в разные стороны, то поднимался вертикально вверх. Отчетливо донеслось одинокое лягушачье кваканье, потом к нему присоединилось еще несколько голосов. Отовсюду слышался стрекот сверчков, который порой внезапно утихал. Быстрые шаги приближались. Сначала появился смутно чернеющий силуэт, постепенно стало ясно, что это военный с фуражкой на голове.

– Стой, кто идет?

– Я.

– Кто?

– Майор Смирнов.

– Есть ручной фонарик?

– Нет.

– А спички?

– Есть.

– Зажги спичку, посмотрим.

С треском зажглась спичинка.

– Узнаю.

Майор подошел ближе. Оба, щелкнув каблуками и вытянувшись в струнку с автоматами на плече, застыли по стойке «смирно».

– Товарищ майор, в наше дежурство никаких происшествий не произошло.

– По уставу надо сначала представиться, – сделал замечание майор.

Протянул ладони к горячему огню:

– Весь комплекс обходите?

– Так точно.

– Утром вас сменят.

Офицер был высокий, с большими глазами и узким худощавым лицом. Держа руки над костром, с удовольствием потер их, размял ладони.

– Касымбеков, ты казах?

– Да.

– Учился?

– В Алматы. В политехническом.

– А Чингис Айтматов тоже казах?

– Нет, товарищ майор.

– Жаль.

– И я так считаю.

Проверяющий рассмеялся.

– А какой он национальности?

– Киргиз.

– Ты читал его роман «Плаха»?

– Совсем недавно.

– Потрясающая вещь.

– У нас тоже немало видных писателей.

– Ауэзов, что ли?

– И Ауэзов. А еще Мухтар Магауин, Абиш Кекильбай, Оралхан Бокей, Тынымбай Нурмаганбетов.

– Слышал.

– А вы не читали нашего мудрейшего поэта Абая?

– Не читал.

– Жалко, товарищ майор.

Офицер улыбнулся.

– Ладно, я пошел. Будьте бдительны в темных углах.

Одернув форму, он подтянул расслабившийся ремень.

– Вы все-таки попробуйте почитать Абая, товарищ майор.

Улыбаясь, майор ушел в темноту ночи. Солдаты продолжали стоять.

– Пойду, осмотрю все, – сказал Даир.

– А я за огнем пригляжу, чтобы не погас...

Повесив на плечо автомат, парень вышел на знакомую тропинку и не спеша зашагал по ней, зорко наблюдая за окрестностями. Обойдя бетонную стену комплекса, свернул. С другой стороны комплекс тоже был огражден бетонной стеной. Показалась выкрашенная в зеленый цвет караульная вышка. Лесенка, ведущая наверх, была незаметна. Немного постоял в свете фонаря, посмотрел назад, потом вперед. Дарига, видимо, сейчас сладко спит, подумал он и продолжил свой путь, выйдя за пределы территории, освещенной светом фонаря. Тяжело ступая, Даир шел и думал о своей девушке, которая осталась в далеком казахском ауле, за тысячи километров отсюда. Неожиданно споткнулся. Нагнувшись, стал ощупывать рукой тропу и наткнулся на конец проволоки, торчащей из земли. Проволока оказалась толстой. Сжав, несколько раз дернул ее на себя, но так и не смог вытянуть. Снова подхватил автомат и медленно направился по тропинке дальше.

В тот день, когда он уезжал, Дарига не решилась подойти ближе к автобусу, стояла у соседнего дома, оперевшись об изгородь, и плакала. Такой и запомнил он ее – в тонком шелковом платье и с вышитым платочком в руках. Вот если бы она

подошла ко мне, я бы ее поцеловал, подумал тогда юноша. И пусть завтра люди говорят, что им вздумается. Однако позднее, проезжая через многочисленные города и поселки, с каждым днем удаляясь от родного аула и приближаясь к месту, где ему предстояло провести два года жизни, и наконец увидев края, в которых раньше он мог побывать только в своих фантазиях, Даир уже ни о чем не сожалел.

Он остановился и прошептал:

– Всего лишь год остался.

Сняв пилотку, он задрал голову и взгляделся в небо, в глубинах которого мерцали бесчисленные звезды. Куда бы ты ни уехал, в какую бы глушь ни забрел, небо было повсюду, во всех уголках земного шара, бездонным. Даир опустил голову и уставился безразличным взглядом себе под ноги. А потом зашагал дальше. Когда он благополучно переживет оставшийся год, то вернется на родину и начнет чудесную жизнь. Он не сразу женится на Дариге, придется немного подождать, надо завершить учебу. Или лучше все-таки сначала жениться? А как же они тогда с Даригой будут жить вдали друг от друга? Но разве, женившись, он не заберет ее раз и навсегда вместе с собой в Алматы, чтобы там строить счастливую жизнь? Она ведь тоже любит его, подумал Даир и ускорил шаг. Хруст кирзовых сапог, ступающих по присыпанной песком тропинке, стал громче. Неожиданно в голову пришла мысль: а вдруг Дарига сейчас с кем-то другим гуляет? Мы же клятву друг другу дали, завязав на конце платка узелок в знак ее нерушимости.

Сообразив, что Дарига может его не дожидаться, он остановился как вкопанный и выпустил зажатый ладонью ремень. Автомат соскользнул с плеча и с глухим стуком упал за край тропинки.

– Когда у тебя девушки нет – лучше, – согласился он со своим случайным выводом.

Прошагав еще немного, выбрался из зарослей, выйдя на последний отрезок маршрута. Когда стена бетонной ограды закончилась, сразу за поворотом в глаза бросился ярко пылающий костер. Огонь стал выше. Порывисто колеблясь в разные стороны, он торопливо разрезал воздух, вскинув кверху свой жадный красный язык. Он освещал переднюю часть комплекса. Лениво шагая, Даир подошел к огню и молча уставился на тлеющие красновато-пепельные угли. За край костра откатилась большая головешка. Под порывами ветра она краснела, а когда ветерок затихал, снова становилась пепельной. С ее боков чадил густой дым, который поднимался вверх и таял в ночном небе. Поддев ногой головешку, вновь занявшуюся огнем, он подтолкнул ее к костру. Русоволосый напарник всё еще молчал.

Вдруг услышал, как сзади кто-то приближается. Тут же пулей вскочил с места и схватился за автомат.

– Даир здесь? – раздался голос из темноты.

– Даир, тебя спрашивают.

– Кто спрашивает?

– Талгат.

– Подойди сюда, – перешел Даир на казахский.

Лицо джигита теперь было хорошо видно. Под левым глазом вспух фингал. Вокруг проступила легкая синева.

– Откуда ты взялся?

Грея руки над костром, Талгат ответил не сразу.

– Я опять подрался.

- С кем?
- С дембелем.
- А где он?
- Меня со своими дружками разыскивает.
- И чего он строит из себя, подумаешь, служит долго.
- Земляк твой? – поинтересовался русоволосый.
- Да, – ответил он.
- Подрался, что ли?
- Подрался.
- Он сказал, что ему приглянулась моя пилотка и я должен ее ему подарить.
- А ты что сказал?
- Врезал как следует, он аж присел.
- Сразу бить – с твоей стороны было неправильно.
- А он в этот момент уже стянул с меня пилотку.
- И что потом?
- Пнул его пару раз в живот, отобрал пилотку и убежал из казармы.

Стало слышно, как приближаются еще несколько человек.

- Это они, – сказал Талгат.
- Ты бы спрятался, – посоветовал русоволосый.
- Дай мне автомат.
- Устав не позволяет.
- Тогда дай ты.
- Бери.

Талгат взял в руки автомат. Снял предохранитель, дернув затвором, зарядил.

- Стрелять будешь? – спросил Даир.
- Только припугну.
- Мне все равно, но смотри, как бы мы с тобой оба под суд не загремели.
- Среди них есть одна сволочь, которую мне всегда хотелось уничтожить.
- Тебя же родные дома ждут, – попытался урезонить его Даир. Он понял, что уже не сможет отобрать у Талгата автомат. – У тебя ведь есть мать, отец. Подумай о младших братьях и сестренках.

Показавшиеся невдалеке пять темных силуэтов стремительно приближались.

Настроены они, по всей видимости, были решительно.

- Амирханов, тебе не жить! – крикнул тот, что был впереди. Внушающая страх пятерка, шумно переговариваясь, подходила все ближе.

– Стойте, стрелять буду!

От внезапно прозвучавшего дерзкого окрика дружно наступавшая группа резко остановилась, первоначальный пыл поугас. Грозные голоса мгновенно стихли.

- Буду стрелять! – повторил Талгат.

Рыжеволосый здоровяк с вытянутым лицом, сняв пилотку и сжав ее в руке, подался было вперед.

- Зотов, Михаил, поубавь прыть, иначе нажму на курок.
- Зотов поневоле остановился.
- Мы могли бы договориться.
- Я давно мечтал завалить тебя.
- Забыл, что все через это проходят и терпят?
- Это их дело.

- Дроздова-то ударил – ты.
- Там другая была ситуация.
- Больше не будем лезть к тебе.
- На колени!

Здоровяк Зотов задумался.

- На колени, сказал!

Рыжий не шелохнулся. Дуло автомата слегка приподнялось, раздалась очередь

Зотов упал на землю, пугливо озираясь.

- Встань!

Похоже, Талгату пришлась по душе эта игра.

- Теперь лежать!

- Сука, – выдавил Зотов.

Спокойно встав, он с безмятежным видом отряхнул ладонью налипший на штаны мусор, поднял голову и пристально посмотрел прямо на юношу, нацелившего на него автомат. Все молчали, не двигаясь с места и сохраняя выдержку. Рослый Зотов ступил правой ногой вперед, затем, не отрывая глаз от Талгата, шагнул еще раз. Автомат дернулся и снова застрекотал. Громадный рыжий парень пошатнулся, сделал по инерции пару шагов и рухнул, обнимая руками землю. Даир подбежал к неподвижно растянувшемуся солдату. Взял его за плечи, перевернул на спину. Зотов был мертв. Словно подкошенный, Даир осел на землю, густо поросшую молодой зеленой травой. Военная форма на безжизненном теле была распорота пулями, по груди растекалась кровь. Неужели можно настолько ненавидеть человека, пристально глядя на погибшего солдата, думал Даир. Пропитанное теплой кровью темное пятно на груди Зотова увеличивалось в размерах. Сколько же лет присудит ему военный трибунал за то, что он передал автомат другому? Он даже приблизительно прикинуть не смог. Так и сидел, не отрывая глаз от изодранной пулями груди убитого. Похоже, ему суждено вечно тосковать по родной земле.

Перевод с казахского Майры Жанузаковой

Дидар Амантаевич Косыбеков (Дидар Амантай) окончил факультет философии и политологии КазГУ им. аль-Фараби, факультет кино Института театра и кино, Академию Истрополитана Нова (Словакия), курсы американской журналистики. Служил в Вооруженных силах РК, работал в газетах Казахстана, в Агентстве «Хабар», на «31 канале», главным редактором киностудии «Казахфильм», в Администрации Президента РК, Министерстве культуры и спорта РК, директором филиала РТРК «Казахстан» по г. Семей. Автор книг «Постскриптум», «Благослови меня», «Цветы и книги», «Осеннее randevu», «Қарқаралы басында», «Философия Махамбета», «Книга Борхеса», «Чистый свет» и других. Сценарист документальных фильмов «Нургиса Тлендиев», «Альжаппар Абишев», «Мухтар Магауин», художественных фильмов «Гакку» («Философский факультет»), «Возвращение в А» (реж. Е. Кончаловский). Лауреат Государственной молодежной премии «Дарын» (1999 г.) и премии «Тарлан» Клуба меценатов Казахстана (2007 г.).

